

Лексика *родства* в русской коммуникативной культуре

Алла Лихачева

crossref <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.19.953>

Аннотация. В статье рассматривается отражение этнологического понятия *родства* в русской коммуникативной культуре, которая понимается как часть национальной культуры, обуславливающая совокупность норм и традиций общения народа и воплощаемая в его коммуникативном поведении. В качестве материала исследования избраны лексические единицы, называющие в русском языке родственные отношения, описываются особенности использования этих единиц и их производных в русском общении.

Относительные по своей природе, некоторые русские родственные номинации могут выступать в функции абсолютных, но чаще они приобретают контаминированную относительно-абсолютную семантику, выводя таким образом идею родства далеко за пределы семейного круга. Особенно наглядно это проявляется при использовании лексики родства в функции обращения. В отличие от общих вокативов, такие обращения квалифицируются как специальные и социальные. В русской коммуникативной культуре они регулируют дистанцию общения и маркируют коммуникативную ситуацию как общение «своих». В русском повседневном общении доминирует неэтикетный стиль, проявляется меньшая, чем в западных коммуникативных культурах, психологическая дистанция даже между незнакомыми людьми, что находит свое отражение и в способах их номинации и обращения к ним с помощью единиц родственного кода.

Предложенное аспектное описание именовании родства как элементов языка и коммуникативной культуры может быть использовано в сопоставительных исследованиях и в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова: лексика родства, идея родства, обращение, тональность общения, коммуникативная культура.

Введение

В русской языковой картине мира идея *родства* реализуется в большом количестве лексических единиц, называющих родственные отношения людей. В подобной лексике фиксируется многовековая социальная практика народа, а в синхронном плане – актуальная система генетических (*родители – дети*), гендерных (*брат – сестра*), возрастных (*внук – дед*), юридических (*муж – жена*) и др. статусов индивидов, поддерживаемая социальной структурой конкретного, в данном случае – русского общества. По мнению исследователей, русская номинативная цепочка в системе обозначений *родства* количественно превосходит многие другие языки, поскольку: последовательно разграничивает названия родственников мужского и женского пола (напр., русск. *внук, внучка* соответствует турецк. *torun*; русск. *двоюродный брат* и *двоюродная сестра* по-английски передаются одним обозначением *cousin*; русск. парная номинация *дедушка* и *бабушка* имеет одночленные соответствия в литовском – *seneliai*, английском – *grandparents*); обладает специальными названиями далеких и непрямых родственников (напр., русск. *правнук* – по-турецки *torun oğlu*; русск. *троюродный брат* переводится описательной немецкой конструкцией *Vetter zweiten Grades*), в русском родственном коде различаются отношения непрямого свойства в зависимости от пола лица соотношения (напр., русск. *свекор* – «отец мужа», *тесть* – «отец жены») соответствуют англ. *father-in-law*, нем. *Schwiegervater*;

русск. *деверь* – «брат мужа» и *шурин* – «брат жены» по-английски передаются как *brother-in-law*, по-немецки – как *Schwager* и т. д. (ср. Юдина, 2001).

В научной литературе хорошо описана этимология лексики родства (Ф. П. Филин, О. Н. Трубачев и др.). В исследованиях отмечается также то, что некоторые из существующих в русской языковой картине мира лексических единиц, называющих родственников, могут становиться номинациями и незнакомых лиц (Качинская, 2011; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2002; Арутюнова, 1999; Кронгауз, 1999). Однако, при определенном интересе ученых к лексике родства, единый набор этих терминов пока не установлен (Юдина, 2001). Кроме того, еще полвека назад было отмечено, что основные семантические особенности терминов кровного и некровного родства (свойства) должны учитываться и при толковании этих терминов в словарях (Моисеев, 1963, с.132), но до сих пор не существует лексикографического издания, в котором лексика, называющая людей по родственным отношениям, была бы описана с учетом как прямых, прототипических значений входящих в нее единиц, так и их вторичных, производных значений, с указанием условий реализации тех и других в коммуникации, а сами вторичные значения родственных номинаций изучены явно недостаточно (Качинская, 2011; Толстая, 2009). В то же время уточнение набора таких единиц, их анализ и описание как единиц языка и коммуникации актуальны не только в лексикографическом плане, но и как объ-

ект лингвокультурологии, психосоциологии языка, коммуникативистики, лингводидактики.

Цель данной работы – представить языковые особенности русской лексики родства, обеспечивающие ее существенную роль в русской коммуникативной культуре, и наметить возможные аспекты внутриязыкового и межъязыкового описания этой лексики.

Под коммуникативной культурой понимается часть национальной культуры, обуславливающая совокупность норм и традиций общения народа и воплощаемая в его коммуникативном поведении, при этом имеется в виду

«бытовая, повседневная культура, т.е. та, которая реально соприкасается с человеком, реализуется в повседневном поведении и общении людей» (Прохоров, Стернин, 2006, сс.35–36).

Речевые средства, обеспечивающие вербальные контакты носителей языка,

«являются той фактографической основой, на которой строятся обобщения по поводу действующих в национальном коммуникативном сознании норм и традиций коммуникативного поведения» (там же: с.125).

Соответственно, **объектом анализа** в данной статье являются русские лексические единицы, именуемые людьми по их родственным связям, и особенности их использования в русском общении. Особое внимание уделяется обращению, которое занимает центральное место в

«системе социально заданных и национально специфических правил речевого поведения, регулирующих выбор кода при вступлении в контакт с собеседником и поддержании общения» (Формановская, с.85).

Лексикографические толкования именованных родства отобраны из специализированного толкового «Словаря русского речевого этикета» А. Г. Балакая (далее – СРРЭ) и общих толковых словарей – малого академического толкового «Словаря русского языка» под ред. А. Евгеньевой (далее – МАС) и «Русского семантического словаря» под ред. Н. Шведовой (далее – РСС). Некоторые значения терминов родства, которые могут быть неочевидны для представителей других коммуникативных культур, иллюстрируются примерами их употребления.

С целями и материалами данной статьи связано использование как собственно лингвистических, так и культурологических и социолингвистических **методов и приемов**: работа с лексикографическими источниками, лексико-семантический анализ материала, его лингвокультурологическое и социокультурное комментирование, обобщение и формулирование выводов теоретического и прикладного характера.

Аспекты описания лексики родства как элементов языка и коммуникативной культуры

Родством называются

«отношения между родителями и детьми, между предками и потомками и между людьми, имеющими общих родителей или общих предков. Различают родство по

прямой линии (родители и дети, предки и потомки) и по боковой линии (братья и сестры, дядя, тетка и племянники), а также родство по нисходящей и восходящей линиям (например, правнук, внук, сын, отец, дед, прадед и наоборот: прадед, дед и т.д.)» (Моисеев, 1963, с.120).

Родство (англ. *kinship*) может определяться и шире, как связь не только генетическая кровная (англ. *blood relations*), но и так называемая юридическая – возникающая в результате создания семьи (англ. *affines*) (Braun, 1988, с.9). В русской культурной традиции для обозначения

«родства не по крови, а по браку (отношения между супругом и кровными родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов)» (МАС IV, с.56).

имеется понятие *свойство* (*жена, муж, золовка, зять, шурин, теща, сноха, свояк* и пр.). Однако в настоящее время наблюдается вытеснение из сознания носителей русского языка обозначений свойства и в результате – метонимический перенос терминов кровного родства на свойственников как смежную группу родственников (Качинская, 2011, с.189). Часто для обозначения свойства используются конструкции, включающие термин кровного родства, напр.: *брат мужа* вместо *деверь*, *сестра жены* вместо *свояченица* и т.п., а в функции обращения может выступать собственно термин родства, ср.:

Мама, Папа. *Прост. и обл.*¹ «Вежл. обращ. к свекрови/свекру или теще/тестю» (СРРЭ, сс.252, 344);

Дочка, Сынок. *Прост.* «Ласковое обращ. к снохе/зятю» (СРРЭ, сс.152, 515).

Общая особенность лексики родства связана с ее онтологической **относительностью**: в ней закреплен тип номинации, показывающей родственную связанность данного лица с другим. Действительно,

«лицо, названное тем или другим термином родства, является таковым не вообще, не в абсолютном смысле, а только по отношению к каким-либо другим, в каждом конкретном случае вполне определенным лицам. <...> В силу относительности значения терминов родства одно и то же реальное лицо может быть названо по-разному – и отцом и сыном, и дедом и внуком <...> – в зависимости от того, по отношению к каким другим лицам это лицо определяется» (Моисеев, 1963, с.122).

Именно эта лексика хорошо демонстрирует вариативность способов обозначения человека в зависимости от ситуации и контекста:

«*Мальчик* – демографическое обозначение, *сын* – относительное, но во фразе *Это ваш мальчик?*, обращенной к какой-то женщине, *мальчик* становится синонимом слова *сын* и, следовательно, относительной номинацией, что подчеркивается посессивом» (Гак, 1999, с.75).

Существенно также то, что при обозначении родства наблюдается встречная относительность, или соотносительность, поскольку такие номинативные единицы

¹ Лексика, имеющая в словарях в качестве основной помету *Обл.* (областное) в работе не приводится. Также не приводятся устаревшие значения терминов родства, напр. *мамочка* как обращение к мужчине.

фиксируют обязательное взаимное родство. Этой особенностью значения лексики родства обуславливается и ее подача в словарях – через другой или другие термины родства или свойства, ср.:

Сын. «Лицо мужского пола по отношению к своим родителям» (МАС IV, с.325);

Сестра. «Каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей» (МАС IV, с.84);

Зять. «Муж дочери, а также муж сестры или золовки» (РСС, 182);

Падчерица. «Дочь одного из супругов по отношению к другому, для нее неродному» (РСС, с.183) и т.п.²

Характерной чертой русской лексики родства является наличие у части единиц этой группы не только относительного, но и **абсолютного значения**, ср.:

Бабушка. «Мать отца или матери. – Разг. Старая женщина, старуха» (МАС I, с.54);

Дед/ Дедушка. «Отец отца или матери. – Разг. Старый человек, старик» (МАС I, с.376);

Дядя. «Брат отца или матери; Муж тетки. – Разг. Взрослый мужчина...» (МАС I, с.460);

Тетья/ Тетка. «Сестра отца или матери. – Прост. Взрослая женщина...» (МАС IV, сс.362–363);

Перечисленные обозначения родства и их дериваты (напр., *бабка, бабулька, дяденька, тетечка*) обладают устойчивой безотносительной семантикой, не случайно в «Русском семантическом словаре» лексические единицы *бабушка, дед/ дедушка, дядя, тетя/ тетка* приведены в двух разделах, называющих лиц по отношениям родства, свойства, породнения (РСС, сс.179–186) и по полу, а также по полу и возрасту (там же: сс.325–329).

Можно говорить и о безотносительной семантике некоторых шуточных обращений, имеющих хождение в молодежной среде, напр.:

Дед. Прост. «Шутл. мужск. (преимущ. молодежн.) обращ. к приятелю. То же, что Старик, а также Старина, Старичок. *Ко дню моего приезда Стасик был изнурен недельным запоем. Он выпросил у меня рубль и коричневые перфорированные сандалии. Затем рассказал драматическую историю: «Дед, я чуть не разбогател» (С. Довлатов)*» (СРРЭ, сс.132, 501–502);

Мать. Разг. «Шутл. молодежн. обращ. к девушке-подруге. *Танюха уже не раз на работе подталкивала локтем Маню, шептала, что Трегубов опять на нее пялится, и удивлялась бесчувственности подружки. – Да ты ай каменная, мать? – простодушно спрашивала она (П. Проскурин)*» (СРРЭ, с.256).

² Специфику относительности значения лексики родства по сравнению с иными лексическими единицами относительной семантики подчеркивает и наличие в русском языке специальной конструкции с дательным падежом типа *Он мне брат* или *Она сестра моему отцу* (Моисеев, 1963, с.123–124). Среди других слов с относительным значением не все могут появляться в подобной конструкции, ср.: *Платон мне друг, но истина дороже*, при невозможности **Он мне пациент/ врач/ учитель/ ученик*.

При рассмотрении обозначений человека с помощью терминов родства актуальна **дифференциация их референциальных свойств и способности выступать в качестве обращения**, и это касается всех языков (Braun, 1988).

Если выделить десять узуально устойчивых, традиционных для трехпоколенной семьи русских терминов родства в их основных формах *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка, бабушка, дедушка*, мы увидим, что не все «официальные» термины родства, уместные в повествовании, могут использоваться также в режиме обращения.

В словарях в качестве наиболее стандартных форм обращения выделяются следующие:

Мать → **Мама.** «Самое распространенное и употребительное обращение сына или дочери к матери», а также **Мамочка, Мамуля** (разг. ласк.) (СРРЭ, сс.251, 254–255);

Отец → **Папа.** «Широкоупотребительное вежл. обращение детей к своему отцу», а также **Папочка, Папуля** (разг. ласк.) (СРРЭ, сс.343, 346);

Сын → **Сынок, Сыночек** (разг. ласк.) (СРРЭ, сс.514–515);

Дочь → **Доченька** (ласк.), **Дочка** (разг. ласк.), **Дочурка** (разг. уменьш.-ласк.) (СРРЭ, сс.151–153);

Брат → **Братец** (разг.), **Братик** (разг. ласк.), **Братишка** (разг. уменьш.-ласк.) (СРРЭ, сс.63–67);

Сестра → **Сестренка** (разг. уменьш.-ласк.), **Сестричка** (разг. ласк.) (СРРЭ, сс.467–468);

Внук → **Внучек, Внучок** (ласк.) (СРРЭ, с.83)³;

Оставшиеся три обозначения кровного родства могут использоваться как обращения в исходной форме:

Внучка. «Обращение к внучке», а также **Внученька, Внучечка** (уменьш.-ласк.) (СРРЭ, с.83);

Бабушка. «Обращение внуков к бабушке»; а также **Бабуля, Бабуня, Бабуся** и т.п. (ласк.) (СРРЭ, с.29);

Дедушка. Разг. «Вежл. обращение внуков к деду», а также **Дед.** Разг. «Обращение внуков к деду» (СРРЭ, сс.132–133).

Русский язык позволяет образовать диминутивные и ласкательные формы практически от любого из терминов близкого или дальнего родства (*тетушка, зятек, невестушка* и пр.), и они имеют большое распространение в межличностном общении. Такими возможностями располагают не все языки. Например, в английском подобные формы, ориентированные в первую очередь на обращение, выделяются лишь для четырех терминов родства: *Mum, Mummy* «мама, мамочка», *Dad, Daddy* «папа, папочка», *Granny* «бабуля», *Auntie* «тетушка», в остальных случаях используются полные формы или имена собственные (Вежбицкая, 1996, сс.103–104).

³ Ср.: «The English *KT grandson* is a common form of reference, but will hardly be used as a form of address (the usual nominal variant for addressing a grandson would be first name)» (Braun, 1988, с.11).

В русском семейном общении использование вокативных форм *мать, отец, брат, сестра, сын, дочь* может быть уместно лишь в возвышенно-эмоциональной речи либо сигнализировать о конфликте, напр.:

Мать. *Разг.* «Обращение взрослого сына (выделено мной. – А.Л.) к матери. Малоупотребительное, граничит с невежливостью. Употр. обычно в серьезном разговоре, нередко с оттенком отстранения, или в эмоциональной речи в конфликтной ситуации. *Не дождался от него ответа, Дарья взмолилась: Может, хоть деда с бабушкой твоих перенесли бы..., а, Павел? <...> – Сейчас не до того, мать, – ответил Павел. – И так заматался – вздохнуть некогда. Посвободней будет, перевезем* (В. Распутин)» (СРРЭ, с.256).

Брат. «Малоупотр. обращение к брату. Употр. преимущ. в препозиции в возвышенно-эмоциональной речи или в ситуации конфликта, отчуждения. – *Брат, сядь! – проговорил Алеша в испуге, – сядь, ради Бога, на диван. Ты в бреду, приляг на подушку, вот так* (Ф. Достоевский) (СРРЭ, с.63).

Возможно и не прямое употребление терминов родства в общении супругов, ср.:

Отец, Мать. *Прост.* «Обращение жены к мужу/ мужа к жене (обычно, когда в семье уже есть дети). – *Выросли девчоночки... – вздохнула Катерина. – Давно ли в школу бежали? Вот и наша Танюшка скоро невеста будет. Ну спи, отец, спи <...> Катерина провела ладонью по жесткой щеке Ивана Африкановича. Но он уже спал, и она слышала, как сильно и ровно билось мужнино успокоившееся сердце* (В. Белов)» (СРРЭ, сс.333, 256);

Дед, Бабка. *Прост.* «Шутл. обращ. жены к мужу/ мужа к жене (обычно, когда в семье уже есть внуки)» (СРРЭ, сс.132, 28).

Такое употребление терминов родства называется фиктивным (*a fictive use*), и в это понятие входит также распространение названий родства на неродственников (несвойственников) (Braun, 1988, с.9).

Для русского бытового общения очень характерна практика **обращения с помощью терминов родства не по отношению к реальной родне**, напр.:

Батя. *Прост.* «Ласк., уважит. или фамильярн. обращ. юноши, мужчины к старшему по возрасту. *Папка прервал словоохотливого старика: – Ладно, батя, я тороплюсь. – Давай, давай. – Старик опять зевнул* (В. Шукшин)» (СРРЭ, с.33);

Внучка. *Прост. Ласк.* «Обращение пожилого человека к девочке или девушке» (СРРЭ, с.83);

Дедушка. *Разг.* «Вежл. или ласк. обращ. значительно младшего по возрасту к старику» (СРРЭ, с.133);

Дед. *Прост.* «Фамильярн. обращ. (на «ты») к пожилому человеку» (СРРЭ, с.132);

Отец, Мать. *Прост.* «Почтительное обращение к пожилому мужчине/ к пожилой женщине» (РСС, с.348);

Сестренка. *Прост.* «Дружеское или фамильярное обращение нестарого мужчины к девушке, молодой женщине (обычно к незнакомой)» (РСС, с.348).

Исследователи русской языковой картины мира говорят о характерной для славянских языков метафоре кровного родства, отмечая, что

«даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств» (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2002).

Поэтому с терминологической точки зрения в подобных случаях точнее говорить не об абсолютной, а о **контаминированной относительно-абсолютной семантике** лексики родства.

Контаминированное значение можно усмотреть и в номинациях *брат* и *сестра*, когда они называют лиц по совпадению во взглядах, верованиях и т.п. (РСС, сс.192–193), ср.:

Брат. «Человек, близкий другому (другим) по духу, по деятельности, по интересам. По положению, а также вообще близкий. <...> **Ваш (наш) брат** (разг.) – ты, вы (я, мы), как и все тебе, вам (мне, нам) подобные (обычно о мужчинах). *Наши брат солдат ко всему привычен*» (РСС, с.191);

Сестра. «Единомышленица, товарищ в каком-н. общем деле (высок.), а также женщина, имеющая общие, близкие с кем-н. интересы, общее положение. *Сестра по несчастью. Ваша (наша, их) сестра* (разг.) – ты, вы (я, мы), как и все тебе, вам (мне, нам) подобные женщины. *Наша сестра* (т.е. мы или вообще все женщины) *сумеет за себя постоять*» (РСС, с.192).

По мнению социолингвистов, в принятых в данной культуре и данном обществе формах обращений особенно заметно социологически обусловленное функционирование языка. Если с собственно лингвистической точки зрения не существенно, какую форму обращения выбирает говорящий (напр., *господин Петров* или *Витя, ты* или *вы*), то с точки зрения социологии здесь проявляется огромное различие в обозначении статусов общающихся (ср. Chambers, 2011, с.9).

«Статусный признак (признак социального статуса человека) устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии. Этот класс слов предлагается назвать **социальными вокативами**» (Карасик, 2002, с.196).

Предполагаемый социальный статус адресата – более высокий или более низкий по сравнению с говорящим – может обуславливать форму обращения с помощью термина родства в не прямом значении. В русских словарных толкованиях это находит отражение в лексикографических пометах и особенно заметно при соположении демографически тождественных номинаций, напр.:

Бабушка. *Разг.* «Вежл. обращ. младшего по возрасту к старушке. *Старушка подошла к приказчику и протянула ему картонку, зашитую в прорехах суровыми нитками. – Не надо, бабушка, так отпустим, – заявил приказчик* (А. Платонов)» (СРРЭ, с.30);

Бабка. *Прост.* «Фамильярн.-снисх. или пренебрежит. обращ. **высшего по положению** (здесь и далее выделено мной. – А.Л.) к незнакомой или малознакомой пожилой, бедно одетой женщине, старухе. *После них пришла на бревна бабка Евстоля со внуком. Она долго и*

мудро глядела на синее небо, на зеленое поле, покачивала ребеночка и напевала... – Здорово, бабушка! – вдруг услышала она наигранно панибратский голос <...> Я, бабушка, из газеты (В. Белов)» (СРРЭ, с.28);

Отец, Мать. Прост. «Доброжелат. или фамильярн./Приветливо-фамильярное обрац. младшего по возрасту к пожилому незнакомому мужчине/ к незнакомой женщине, **равному/-ой или низшему/-ей по положению**» (СРРЭ, сс.334, 256);

Папаша, Мамаша. Прост., фамильярн. «Обращение к незнакомому/-ой пожилому/-ой небогато одетому/-й мужчине/ женщине, значительно старшему/-ей по возрасту, **равному/-ой или низшему/-ей по положению**» (СРРЭ, сс.345, 253).

Для понимания русского общения, в первую очередь, неформального, существенным оказывается тот факт, что

«русский язык располагает особенно хорошо разработанной категоризацией отношений между людьми не только по сравнению с западноевропейскими языками, но и по сравнению с другими славянскими языками» (Вежбицкая, 2001, с.106),

что говорит «об особом интересе, проявляемом в русской культуре к сфере отношений между людьми» (Вежбицкая, 2001, с.106). Однако в современной русской коммуникативной практике не возникло альтернативы прежним, не имеющим возрастных ограничений обращениям, вроде ушедших *сударь, сударыня, или товарищ* – «ключевого слова советского русского языка» (там же: с.125). Иными словами, недостает так называемых общих вокативов, являющихся знаком общения на социальной дистанции, но часто используются специальные, к которым относится и лексика родства (ср. Карасик, 2002, с.196).

Закономерно возникает вопрос о синонимичности/ несинонимичности и, соответственно, коммуникативной равноценности/ неравноценности лексики родства в функции обращения и также широко распространенных демографических вокативов *девушка, молодой человек, женщина, мужчина*. В «Русском семантическом словаре» в разделе «Обращения», (подраздел «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения») зафиксировано лишь одно из данных слов:

Девушка. «Обращение к молодой женщине; вообще упоминание о таком лице (разг.)» (РСС, с.347). «Словарь русского речевого этикета» приводит несколько уточненное толкование: *разг.* «обращение к незнакомой девушке, молодой женщине» (СРРЭ, с.131).

Молодой человек. «Вежл. или офиц. обращение значительно старшего по возрасту к незнакомому юноше, молодому мужчине» (СРРЭ, с.284);

Как видим, эти формы не обеспечивают возможности обращения к людям старшего возраста. Слова *женщина* и *мужчина*, будучи в номинативной функции нейтральными, в функции обращения имеют негативную социостилистическую окраску (см. развернутые комментарии к этим формам в: СРРЭ, сс.171–172, 288), поэтому обращения *девушка* и *молодой человек* часто распространяются говорящими на молодых женщин и мужчин. Кроме того, эти формы не дифференцируют

тональности общения между «чужими» и «своими» так, как это способны делать специальные формы обращения из числа родственных. Не случайно обращения *брат, братец, отец, доченька, дедушка, бабуля* и т.п. «задают ожидаемое от адресата отношение к говорящему и часто предваряют просьбу» (Арутюнова, 1999, с.116). Также отмечается, что в соответствии с привычными для русского общения покровительственно-фамильярными нотками в общении младшего поколения со стариками, в общественных местах люди старшего поколения, зеркально отражая эту ситуацию, часто «говорят о себе в третьем лице: *Да пропустите бабу-то..., Дайте деду-то пройти...*» (Прохоров, Стернин, 2006, с.194).

Использование терминов родства в подобных случаях распространяет на коммуникативную ситуацию модель семьи, а отношениям между ее участниками приписываются соответствующие «семейные» признаки (см. Кронгауз, 1999, с.132). Эта особенность русской коммуникации может удивлять представителей других культур, особенно западных, где человек «мыслит себя отдельно от всех» (Карасик, 2002, с.199). Показателен в этом отношении рассказ академика Д. С. Лихачева о французской переводчице его книг, хорошо владевшей русским языком, но не знакомой с особенностями общения у русских, относительного которого ей требовались объяснения:

«когда хочешь вспомнить о человеке с ласкою, то мысль невольно кружится вокруг того, что у него были родные – может быть, дети, может быть, братья и сестры, жена, родители; приветливость у нас часто выражается в таких словах: *родненький, родименький, сынок, бабушка...*» Франсуаза вспыхивает: «А, вот что это значит! Я на улице спросила одну пожилую женщину, как найти нужную мне улицу, а она сказала мне *доченька*. – «Вот именно, Франсуаза, она хотела обратиться к вам ласково». – «Значит, она хотела сказать, что я могла бы быть ее дочерью? Но разве она не заметила, что я иностранка?» Я рассмеялся: «Конечно же, она заметила. Но она именно потому и назвала вас доченькой, что вы иностранка, чужая в этом городе – вы же ее спросили, как пройти куда-то <...> Пожилая женщина, называя вас доченькой, не хотела непременно сказать, что вы ее дочь. Она называла вас так потому, что у вас есть мать или была мать. И именно этим она вас приласкала» (Лихачев, 1987).

Таким образом, родственный код включается в тех ситуациях, когда он, в соответствии с нормами бытовой, повседневной коммуникативной культуры, привычен и уместен, а участники общения, даже при их реальных статусных различиях, воспринимаются как «свои». **Вербальное оформление близкой психологической дистанции**, приемлемой для русских, успешно осуществляется с помощью названий родства, как бы снижающих барьер отчужденности, мешающей вступлению в контакт.

Типичность и частотность использования лексики родства в русском общении делает **знакомство с ее особенностями важным для инофонов**, тем более что в разных культурах с подобными языковыми единицами могут быть связаны совершенно различные нацио-

нальные представления. Например, как пишет С. Г. Тер-Минасова (2000, с.58),

«русское слово *бабушка* и английское *grandmother* – вообще термины (термины родства), обозначающие мать родителей. Однако что общего русская бабушка имеет с английской *grandmother*? Это совершенно разные образы, они по-разному выглядят, различно одеваются, у них совершенно разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. <...> Русская бабушка, как правило, занята в новом статусе еще больше, чем раньше: она растит внуков, ведет хозяйство, дает родителям возможность работать, зарабатывать деньги. Англоязычная *grandmother* уходит на «заслуженный отдых»: путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения».

Подобные несовпадения в понятийном содержании формально эквивалентных слов разных языков находят свое непосредственное отражение и в соответствующих коммуникативных культурах, в частности, в способах обозначения человека в речи с учетом национальных представлений о вежливости, политкорректности, уместности использования тех или иных языковых средств в общении и в выборе самой тональности общения.

Выводы

Выбор типов обозначений человека в каждом языке культурно обусловлен, и по набору номинаций можно судить о «правилах общения и общезнания лиц, пользующихся одним языком» (Гак, 1999, с.74). Устойчивость русских номинаций родства в их непрямом употреблении свидетельствуют о том, что для русской коммуникативной культуры органичными и, возможно, стержневыми являются межличностные отношения, построенные по принципу родственных.

Лексика родства по своей природе имеет относительную семантику, однако некоторые русские родственные номинации могут выступать в функции абсолютных, а при использовании русской лексики родства в обращении к неродственникам единицы родственного кода приобретают контаминированную относительно-абсолютную семантику, выводя таким образом идею родства далеко за пределы семейного круга.

Обращения с помощью терминов родства присущи в основном городскому просторечию, чаще всего они указывают на близкое общение в теплой приветливой тональности (ср. словарные пометы *уменьш.-ласкат.*; *ласк.*; *доброжелат.*), либо в фамильярной или дружески-фамильярной тональности (*фамильярн.*; *фамильярн.-сниск.*; *приветливо-фамильярное*; *шутл.*), в некоторых случаях указывают на соблюдение коммуникативной дистанции (*почтит.*; *вежл.*). Теплая тональность отмечается в обращениях друг к другу представителей разных поколений, фамильярная – в обращениях более молодых к старшим по возрасту, шутливая – во взаимных обращениях сверстников.

В отличие от общих вокативов, обращения с использованием единиц родственного кода квалифицируются как специальные и социальные. В русской коммуника-

тивной культуре они регулируют коммуникативные рамки и маркируют ситуацию как общение «своих», несмотря на реальные статусные различия участников общения, отраженные в некоторых формах обращения.

Использование названий родства по отношению к неродственникам актуально, пока в русской коммуникативной культуре актуальны существующие представления о приветливости, политкорректности, вежливости и социостилистической уместности использования этих номинаций (наряду с другими способами обозначения человека в речи) не только в повествовательном режиме, но и в режиме обращения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д., 1999. Язык и мир человека. – 2-ое изд., испр. и доп. Москва: Языки русской культуры.
2. Вежицкая, А., 1996. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари.
3. Вежицкая, А., 2001. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры.
4. Гак, В. Г., 1999. Человек в языке, Арутюнова, Н. Д., Левонтина, И. В. (ред.) Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Москва: Индрик, сс.73–80.
5. Зализняк, А., Левонтина, И., Шмелев, А., 2002. Ключевые идеи русской языковой картины мира, Отечественные записки, 2002, №3. Москва. Доступно в: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=219>. [Просмотрена: 2011 07 20].
6. Карасик, В. И., 2002. Язык социального статуса. Москва: ИТДГК «Гнозис».
7. Качинская, И. Б., 2011. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). Дисс. канд. филол. наук. Москва. Доступно в: <http://search.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf>. [Просмотрена: 2011 07 08].
8. Кронгауз, М. А., 1999. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства, Арутюнова, Н. Д., Левонтина, И. В. (ред.) Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Москва: Индрик, сс.124–134.
9. Лихачев, Д. С., 1987. Заметки о русском, Лихачев, Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. Ленинград, сс418–494. Доступно в: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/zam.htm>. [Просмотрена: 2011 07 01].
10. Моисеев, А. И., 1963. Термины родства в современном русском языке, Филологические науки, №3. Москва: Филологические науки, сс.120–132.
11. Прохоров, Ю. Е., Стернин, И. А., 2006. Русские: коммуникативное поведение. – 2-ое изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука..
12. Тер-Минасова, С. Г., 2000. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово/ Slovo.
13. Толстая, С. М., 2009. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия), Толстая, С. М. (ред.) Категория родства в языке и культуре. Москва: Индрик, сс.7–22.
14. Формановская, Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Доступно в: http://library.krasu.ru/ft/_articles/0070273.pdf. [Просмотрена: 2011 07 28].
15. Шмелев, А. Д., 2002. Русская языковая модель мира. Москва: Языки славянской культуры.
16. Юдина, Н. Ю., 2001. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее), Русский язык: исторические судьбы и современность. Москва: Изд-во Московского университета, сс.80–81.
17. Braun, F., 1988. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. Berlin: de Gruyter.
18. Chambers, J. K., 2009. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and its Social Significance. Rev. ed. – Chichester, West Sussex: A John Wiley & Sons, Ltd.

Использованные словари

1. МАС – Евгеньева, А. П. (ред.) (1982) Словарь русского языка: В 4-х т. 1981–1984. – Изд. 2-ое, испр. и доп. – Москва: Русский язык.
2. РСС – Шведова, Н. Ю. (ред.) (1998) Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. 1 т. – Москва: Азбуковник.
3. СРРЭ – Балакай, А. Г. (2001) Словарь русского речевого этикета – 2-ое изд., испр. и доп. – Москва: АСТ-ПРЕСС.

Ala Lichačiova

Giminystės leksika rusų komunikacinėje kultūroje

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamas etnologinės sąvokos giminystė atspindys rusų komunikacinėje kultūroje, kuri suprantama kaip nacionalinės kultūros dalis, sąlygojanti tautos bendravimo normų ir tradicijų visumą. Tyrimo medžiaga tapo leksiniai vienetai, rusų kalboje įvardijantys giminystės santykius. Aprašomos šių vienetų bei jų derivatų vartojimo rusų bendravime ypatybės.

Būdamos pagal savo prigimtį santykinės, kai kurios rusų kalbos giminių nominacijos gali tapti absoliučios, bet dažniau jose matome santykinės ir absoliučios semantikos kontaminaciją. Tai ypač akivaizdžiai pasireiškia, kai giminystės leksika atlieka kreipinių funkciją, taip išskeldama giminystės idėją toli už šeimos narių rato ribų.

Skirtingai negu bendri vokatyvai, tokie kreipiniai kvalifikuojami kaip specialūs bei socialūs. Rusų komunikacinėje kultūroje jie reguliuoja bendravimo distanciją ir žymi komunikacijos situaciją kaip bendravimą tarp „savų“.

Siūlomas giminystės įvardijimų kaip kalbos ir komunikacinės kultūros elementų aprašymas gali būti naudingas gretinamuosiuose tyrimuose bei rusų kalbos dėstyimo praktikoje.

Straipsnis įteiktas 2011 08
Parengtas spaudai 2010 12

Об авторе

Алла Лихачева, д-р гуманитарных наук, доцент кафедры русской филологии ВУ.

Области научных интересов: звучащая русская речь, связи языка и культуры, социолингвистика, сопоставительные исследование по русскому и литовскому коммуникативному поведению.

Адрес: Вильнюсский университет, Кафедра русской филологии, ул. Университето 5, ЛТ-01513, Вильнюс, Литва.

Ел. почта: a.li@takas.lt